

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Нгуен Ч., Понька Т.И. Принцип невмешательства АСЕАН и кризис Рохинджа: последствия для институциональной роли организации в регионе // Конфликтология / nota bene. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.2.74862 EDN: RYOBOR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74862

Принцип невмешательства АСЕАН и кризис Рохинджа: последствия для институциональной роли организации в регионе

Нгуен Чи Зунг

ORCID: 0009-0002-9462-9039

студент; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ tridung156@gmail.com



Понька Татьяна Ивановна

ORCID: 0000-0003-4944-115X

кандидат исторических наук

доцент; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ ponka-ti@rudn.ru



[Статья из рубрики "Институты урегулирования международных и внутривнутриполитических конфликтов"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.2.74862

EDN:

RYOBOR

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2025

Дата публикации:

23-06-2025

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию принципа невмешательства

Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в контексте гуманитарного кризиса рохинджа. Актуальность темы определяется нарастающей международной озабоченностью массовыми нарушениями прав человека в Мьянме и необходимостью оценки возможностей региональных механизмов реагирования. В условиях усиливающейся глобализации и региональной интеграции подобная тема исследования представляется необходимой для переосмысления устойчивости нормативных основ АСЕАН в изменяющейся международной среде. Объектом исследования выступает институциональный принцип невмешательства в деятельности АСЕАН. Предметом является применение этого принципа при кризисе рохинджа и его влияние на внутреннюю и внешнюю политику организации. Цель работы — выяснить, каким образом строгое соблюдение принципа невмешательства влияет на легитимность и институциональную роль. В работе применены методы документального анализа (научные публикации, отчёты неправительственных организаций, нормативные акты и юридические тексты), кейс-стади и анализ вторичных данных. Результаты показывают, что принцип невмешательства блокирует создание обязательных санкционных и контрольных механизмов со стороны AICHR, демонстрирует избирательное применение в интересах сильных членов и фактически выступает инструментом защиты авторитарных режимов, а не прав человека. Результаты данного исследования ставят под вопрос осуществимость существующих подходов АСЕАН к интеграции и разрешению кризисов. Научная новизна заключается в системном раскрытии прямой связи между нормой невмешательства и институциональной слабостью АСЕАН перед лицом гуманитарных катастроф. Выводы рекомендуют реформировать процедуры реализации невмешательства, внедрить эффективные механизмы коллективных санкций за массовые нарушения прав человека и создать при АСЕАН независимый судебный орган по правам человека для балансирования суверенитета и «ответственности защитить».

Ключевые слова:

АСЕАН, Мьянма, кризис Рохинджа, миграция, институты, безопасность, невмешательство, права человека, легитимность, Юго-Восточная Азия

Введение

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН) сформирована в 1967 г. Индонезией, Малайзией, Филиппинами, Сингапуром и Таиландом с целью стимулирования экономического сотрудничества и предотвращения конфликтов в регионе. Одним из краеугольных принципов «ASEAN Way» (подхода АСЕАН) является обязательство не вмешиваться во внутренние дела государств-членов. Однако устойчивость её нормативных основ подвергается серьёзным испытаниям в условиях гуманитарных кризисов, угрожающих как внутренней стабильности, так и международной репутации организации. Один из наиболее острых таких вызовов — кризис рохинджа в Мьянме, сопровождаемый массовыми нарушениями прав человека. В результате эскалации насилия и принудительного выселения этнических рохинджа в 2012, 2015 и 2017 гг. бирманская армия проводила зачистки после атак боевиков Армия спасения рохинджа Аракана (ARSA). Это вызвало массовые убийства, изнасилования и разрушение селений, в результате чего более 700 000 человек вынуждены были искать убежище в Бангладеш [\[16\]](#). Организация Объединённых Наций и ряд международных структур охарактеризовали эти события как «этническую чистку» или «акты геноцида» [\[22, с. 241\]](#), [\[8, с. 43\]](#).

Политика АСЕАН в отношении кризиса рохинджа является предметом изучения множества международных исследователей. Некоторые российские учёные, такие как П. А. Борунов [\[11\]](#), К. А. Ефремова [\[3\]](#), Д. Д. Свечников [\[4\]](#) и А. А. Симония [\[5\]](#); [\[6\]](#); [\[7\]](#), сосредотачивают внимание на политико-безопасностных аспектах проблемы рохинджа в контексте системы международных отношений и позиционирования АСЕАН в этом кризисе. В то же время зарубежные исследователи, такие как Дж. Курланцик [\[19\]](#), А. Октавиан [\[21\]](#), Р. Шивакоти [\[23\]](#), Д. Х. Тобинг [\[24\]](#) и С. Юань [\[25\]](#), акцентировать внимание на вопросах прав человека и рассматривать пути решения данной проблемы через коллективные усилия АСЕАН.

Научная литература по данной проблематике выявляет пробел: наблюдается недостаток комплексных исследований, направленных на анализ прямой зависимости между строгостью соблюдения принципа невмешательства и ограниченной эффективностью институтов АСЕАН при реагировании на гуманитарные катастрофы. Цель данного исследования — поиск ответ на следующий исследовательский вопрос: «Как строгая приверженность принципу невмешательства со стороны АСЕАН сказывается на институциональной легитимности и способности организации эффективно реагировать на гуманитарные кризисы?». Для достижения этой цели представляется необходимым решить следующие задачи:

- раскрыть исторический контекст формирования и нормативное значение принципа невмешательства в практике АСЕАН;
- проанализировать сущность кризиса рохинджа и его воздействие на ЮВА;
- исследовать действия АСЕАН на различных этапах реагирования на указанный кризис;
- проанализировать последствия применения политики невмешательства для институциональной эффективности и легитимности организации.

В настоящей статье утверждается, что бескомпромиссное следование принципу невмешательства ограничило возможности АСЕАН привлекать Мьянму к ответственности и оперативно реагировать на гуманитарную катастрофу. Это подорвало институциональную репутацию организации и ослабило её способность урегулировать внутренние конфликты и защищать фундаментальные права человека [\[19\]](#).

Принцип невмешательства АСЕАН: основы и практика

Формирование АСЕАН в 1967 году было обусловлено общей потребностью пяти государств-учредителей в стимулировании экономического сотрудничества и создании механизма предупреждения войн и мирного урегулирования конфликтов. «Подход АСЕАН» выделялся как оригинальная дипломатическая модель, основанная на неформальных процедурах, консультировании, выработке консенсуса и твёрдом нежелании проявлять открытое противостояние. Такой подход считался необходимым в силу значительных различий между государствами-членами по численности населения, территории, уровню экономического развития, политическим системам и культурно-этнической самобытности. Меньшие по размеру члены особенно опасались, что более мощные страны могут через АСЕАН навязать им принудительные меры, и потому принцип невмешательства рассматривался как надёжный щит против внешнего давления [\[24, с. 150-153\]](#). Он стал ключевым фактором, формировавшим взаимодействие и компромиссы внутри АСЕАН и утвердил себя как неотъемлемая часть «идентичности АСЕАН» [\[15\]](#).

Принцип невмешательства закреплён в основных юридических документах организации. Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Treaty of Amity and Cooperation, далее – ТАС) 1976 года, подписанный в Бали, стал первым юридически обязательным соглашением, легшим в основу институциональной структуры АСЕАН. Статья 2 ТАС чётко формулирует основные принципы: «уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной самобытности всех государств», «право каждого государства на независимое существование без внешнего вмешательства, подрыва или принуждения» и, самое важное, «невмешательство во внутренние дела друг друга». Договор также предписывает мирное разрешение споров и отказ от угроз и применения силы [\[10\]](#).

В Хартии АСЕАН 2007 года организация получила статус юридического лица и обрела прочную институциональную основу, вновь подтвердив принцип невмешательства как краеугольный камень региональной архитектуры. Вместе с тем Хартия содержит спорные нормы относительно прав человека. В ней подчёркиваются «уважение основных свобод, поощрение и защита прав человека», однако созданная для её реализации Межправительственная комиссия АСЕАН по правам человека (ASEAN Intergovernmental Commission on Human Rights, далее – AICHR) не наделена полномочиями вводить санкции или привлекать к ответственности государства-нарушители, поскольку Хартия прямо запрещает вмешательство во внутренние политические дела членов организации [\[13\]](#). Это условие лимитирует эффективность AICHR и иллюстрирует глубинный пробел в механизмах защиты прав человека.

Принцип невмешательства декларируется как абсолютный, но на практике он применяется выборочно и зачастую в интересах наиболее влиятельных членов. Так, несмотря на общее следование принципу, АСЕАН «вмешивалась» в события, связанные с переворотом в Камбодже 1997 года и политическими репрессиями против Аун Сан Су Чжи в Мьянме. Эти вмешательства рассматриваются как исключения, продиктованные стратегическими интересами стран-основательниц с наибольшим экономическим потенциалом — Таиланда, Индонезии, Филиппин, Сингапура и Малайзии [\[20\]](#). После кризиса беженцев рохинджа в 2015 году некоторые преимущественно мусульманские государства, в частности Малайзия и Индонезия, публично требовали защиты рохинджа, бросив вызов принципу невмешательства. Тем не менее Индонезия продолжила политику «конструктивного вовлечения», избегая прямого давления на правительство Мьянмы [\[23\]](#).

Важно отметить, что принцип невмешательства трансформировался в прикрытие для недемократических режимов. Изначально он возник как средство противодействия внешнему вмешательству и дестабилизации, прежде всего в контексте борьбы с коммунистической угрозой. Однако развитие этого принципа в контексте норм о правах человека выявило структурную брешь: AICHR оказалась лишена реальных инструментов воздействия из-за неприкосновенности внутренних дел государств. Иными словами, первоначально созданный для укрепления стабильности принцип фактически обернулся механизмом защиты режимов-нарушителей и щитом для государств, допускающих тяжкие преступления, освобождая их от региональной ответственности [\[9, с. 126-127\]](#); [\[22, с. 247\]](#). Это подчёркивает приоритет суверенитета над защитой прав человека даже перед лицом серьезных нарушений. Такое противоречие в нормативной структуре АСЕАН ослабляет её репутацию как защитника прав человека и ограничивает способность эффективно реагировать на гуманитарные кризисы, подобные кризису рохинджа. В данных условиях «поход АСЕАН» непреднамеренно стал инструментом безнаказанности, что ставит под

сомнение моральный авторитет организации и её способность реализовывать универсальные стандарты прав человека в регионе.

Кризис рохинджа: хронология и влияние на регион

Следует чётко осознать, что нынешний гуманитарный кризис в Мьянме фактически длится уже несколько десятилетий, и понимание его сущности имеет критически важное значение. Рохинджа — мусульманская этническая группа, проживающая в районах Ракхайн (Мьянма) и Читтагонг (Бангладеш) начиная с VIII века. Со временем в этот регион мигрировали другие мусульмане, спасавшиеся от политической нестабильности Аракана в XVII веке. Позднее Араканское королевство ослабло и было аннексировано Бирмой, в результате чего территории Ракхайн и Читтагонга вошли в состав того, что ныне именуется Мьянмой. В 1826 году Британская империя включила Мьянму в свой состав, руководствуясь потребностью расширить ресурсы и рынки в условиях бурно развивающейся в метрополии индустриализации. При колониальном управлении в Ракхайне была проведена ещё одна волна миграции мусульман из Бангладеш [\[1, с. 42\]](#). В 1948 году Мьянма обрела независимость, и Ракхайн остался в её составе, тогда как Читтагонг (ныне Чаттограм) отошёл к вновь образованному Пакистану, а позже к независившемуся Бангладешу. Современные рохинджа представляют собой сообщество смешанного происхождения — арабского, индийского, персидского, турецкого, афганского и других корней — при этом сохранив свою изначальную исламскую веру [\[25, с. 42–43\]](#).

После 1948 года правительство объявило буддизм государственной религией. Эта политика породила системную дискриминацию мусульман-рохинджа со стороны правительства, которым ставили ультиматум: принять буддизм или покинуть свои дома. В ответ рохинджа начали сопротивление угнетению и отстаивание собственного автономного статуса [\[2, с. 149–150\]](#). Военные власти Мьянмы отреагировали особенно жёстко, что привело к продолжающемуся и поныне конфликту, включающему гражданские стычки между религиозными группами и многочисленные операции правительственных сил. Рост буддийского национализма, воплощённый движениями «969» и MaBaTha («Ассоциация по защите расы и религии»), усилили антигосударственные антиисламские настроения и закрепили дискриминационные практики [\[24, с. 159\]](#).

Следует отметить, что в ходе эскалации рохинджа-кризиса ряд масштабных репрессивных кампаний сыграл ключевую роль в формировании структурного характера насилия. К таким акциям относятся операция «Драгон Кинг» (1978), операция Pyi Thaya («Национальная чистота и порядок», 1991–1992 гг.), религиозные погромы в штате Ракхайн в 2012 г., и, особенно, военные действия 2017 г., — все они ярко демонстрируют цикличность и систематичность репрессий. Формальными "поводами" для насилия зачастую служили конкретные инциденты. Так, групповое изнасилование и убийство ракхайнской женщины в 2012 г., приписанное мусульманам-рохинджа, вызвало масштабные ответные действия со стороны местного населения [\[25, с. 43\]](#).

Однако при более глубоком анализе становится ясно, что подобные инциденты были лишь внешними проявлениями глубоко укоренённой структуры неравенства, подпитываемой десятилетиями дискриминационной политики, институциональной исламофобии и межэтнической напряжённости. Кульминацией этого процесса стало 2017 г., когда вооружённая группировка Армия спасения рохинджа Аракана (ARCA) атаковала приграничные полицейские посты. В ответ правительством Мьянмы была развёрнута

широкомасштабная карательная операция. Хотя участие АРСА в эскалации конфликта нельзя игнорировать, применение непропорциональной силы против гражданского населения выходит за рамки легитимной внутренней безопасности [\[1, с. 44\]](#); [\[24, с. 160\]](#).

Тактика Вооружённых сил Мьянмы включает: безразборные обстрелы рохинджа-посёлков, внесудебные казни мирных жителей, массовые изнасилования женщин и детей, поджоги жилых домов и инфраструктуры [\[3, с. 152\]](#). Свидетельства многочисленных преступлений — включая убийства новорождённых, произвольные казни и массовые изнасилования — указывают не столько на «военный ответ», сколько на структурированный, целенаправленный и институционализированный режим этнической чистки. Более того, армия блокирует доставку гуманитарной помощи и препятствует международным спасательным операциям, что приводит рохинджа к тяжёлому недоеданию, распространению заболеваний в лагерях беженцев и утрате способности к самосохранению. Цель подобных мер — не временное подавление, а постепенное разрушение социально-экономического и демографического потенциала сообщества на их исторической территории [\[14, с. 41\]](#). Как отмечают С. Юань и Б. Т. Ф. Ли: «Масштабы и характер этих преступлений против человечности подчёркивают неотложную необходимость скоординированного международного реагирования для преодоления гуманитарной катастрофы и привлечения виновных к ответственности» [\[25, с. 44\]](#).

Вследствие этого кризиса в Бангладеш возникло одно из крупнейших в мире беженских поселений: более миллиона рохинджа проживают в крайней перенаселённости и нехватки ресурсов. Хронический дефицит финансирования привёл к сокращению объёма продовольственной помощи и базовых услуг, что дополнительно усугубляет проблемы недоедания, заболеваемости и социальной уязвимости [\[17\]](#); [\[1, с. 43\]](#); [\[6, с. 97\]](#). Например, Всемирная продовольственная программа ООН (ВПП ООН) была вынуждена уменьшить ежемесячный продовольственный ваучер с 12 долларов США до 8 долларов США, а затем до 6 долларов США из-за нехватки финансирования, что резко снизило питательную ценность рационов, особенно у уязвимых групп — детей и беременных женщин [\[18\]](#). Женщины и дети, составляющие более 75% населения лагерей, подвержены высокому риску гендерного насилия, эксплуатации и торговли людьми. Их правовой статус остаётся неопределённым, а возможности в сфере образования и занятости — крайне ограничены [\[18\]](#); [\[3, с. 151\]](#). Параллельно этот кризис оказывает значительное политико-безопасностное воздействие на весь регион.

Это способствовало развитию сетей торговли людьми и усилило риск исламского терроризма в Юго-Восточной Азии. Бангладеш оказался перегружен наплывом беженцев, а другие государства АСЕАН — Таиланд, Малайзия и Индонезия — продолжают сталкиваться с проблемой незаконной миграции рохинджа, ищущих убежища [\[23\]](#). Кризис рохинджа представляет собой наглядный эмпирический кейс, демонстрирующий, что региональные организации, такие как АСЕАН, должны развивать собственное понимание вопросов «внутренней повестки». Если они не осознают и не начнут проактивно решать гуманитарные и трансграничные вопросы безопасности, они рискуют подорвать свои фундаментальные цели — мира, стабильности и процветания в регионе. Этот кризис вынуждает АСЕАН признать, что их традиционный государственно-центричный подход недостаточен для современных вызовов.

Реакция АСЕАН на кризис рохинджа

Изначально АСЕАН демонстрировала значительную осторожность в подходе к кризису

рохинджа. До августа 2017 г. блок в основном рассматривал данные события как нетрадиционную угрозу безопасности (несанкционированную миграцию и торговлю людьми), не придавая им статуса гуманитарного кризиса или внутреннего конфликта. Такой подход отражал неизменный принцип невмешательства и специфику «подхода АСЕАН» [\[14, с. 43\]](#); [\[8, с. 46\]](#). Однако после того, как в августе 2017 г. более 700 000 человек были вынуждены покинуть штат Ракхайн, международное давление и потенциальные последствия массовой миграции заставили АСЕАН занять более решительную позицию [\[22, с. 242\]](#). Позиция блока была отражена в двух ключевых документах:

1. Заявление Председателя АСЕАН по гуманитарной ситуации в штате Ракхайн (сентябрь 2017 г.) [\[12\]](#): В этом документе блок выразил серьёзную обеспокоенность и осудил нападения на силы безопасности, признав «сложный межобщинный характер проблемы с глубокими историческими корнями». Заявление призвало к немедленному прекращению насилия, приветствовало обязательство властей Мьянмы обеспечить защиту гражданского населения и урегулировать статус беженцев через процедуру верификации. Кроме того, приветствовалась поддержка гуманитарных программ Мьянмы и подчёркивалось, что Координационный центр АСЕАН по гуманитарной помощи (ASEAN Coordinating Centre for Humanitarian Assistance, далее — АНА Centre) будет сотрудничать с правительством Мьянмы для предоставления беспристрастной помощи. В заявлении также особо подчёркивался призыв к реализации рекомендаций Консультативного комитета по вопросам штата Ракхайн.

2. Согласие на основе пяти тезисов (5РС) (апрель 2021 г.) [\[11\]](#): после военного переворота в Мьянме в феврале 2021 г. главы государств и правительств АСЕАН собрались в Джакарте и утвердили 5РС, которое остаётся основным механизмом АСЕАН по взаимодействию с кризисом. Согласие включает пять пунктов:

- Немедленное прекращение насилия в Мьянме.
- Конструктивный диалог между всеми сторонами для выработки мирного решения.
- Назначение специального посланника Председателя АСЕАН для содействия примирению.
- Предоставление гуманитарной помощи через АНА Centre.
- Визит специального посланника и сопровождающей делегации в Мьянму для встреч со всеми заинтересованными сторонами.

Инструментализация гуманитарной помощи также ставит под сомнение стратегию АСЕАН. Несмотря на обязательство АСЕАН оказывать гуманитарную помощь через свой АНА Centre, многочисленные отчёты свидетельствуют о том, что военный режим Мьянмы имеет пагубный опыт в этой сфере, регулярно блокируя помощь или незаконно присваивая её в военных целях [\[22, с. 249\]](#). Возникает прямая причинно-следственная связь между действиями мьянманского режима, обвиняемого в серьёзных нарушениях прав человека, и неэффективностью гуманитарных усилий. Это означает, что даже когда АСЕАН пытается действовать в рамках принципа невмешательства (т. е. предоставляя помощи вместо прямого политического вмешательства), эффективность этих «мягких» подходов подрывается тем самым режимом, который и вызвал кризис. Способность военного режима Мьянмы использовать помощь в качестве оружия выявляет критическую уязвимость в стратегии гуманитарного реагирования АСЕАН.

Этот феномен вскрывает фундаментальное ограничение гуманитарной помощи как инструмента урегулирования кризиса, когда государство само является главным виновником страданий. Нейтральная гуманитарная помощь, не подкреплённая сильной политической волей и механизмами подотчётности, может быть либо использована авторитарными режимами в своих интересах, либо оказаться неэффективной. Для АСЕАН это означает, что даже самые допустимые формы участия блока оказываются скомпрометированы, что ещё больше обнажает неадекватность его рамочной основы для урегулирования кризисов, в которых действия государства лежат в основе гуманитарной катастрофы.

Последствия для институциональной роли АСЕАН

Кризис рохинджа наглядно обнажил фундаментальные ограничения институциональной архитектуры АСЕАН, в особенности её зависимость от принципа невмешательства. Эта опора, некогда считавшаяся основой региональной стабильности, теперь становится препятствием для реагирования на систематические проявления жестокости. Жёсткость данного принципа не только серьёзно ограничивает способность АСЕАН продвигать права человека, но и поддерживает своего рода «порочную» структуру протекционизма, в рамках которой авторитарные режимы могут беспрепятственно осуществлять репрессии, не опасаясь каких-либо санкций со стороны блока.

Хотя в 2009 году АСЕАН учредила Межправительственную комиссию по правам человека, этот орган по-прежнему не обладает санкционными полномочиями, правоприменительными возможностями и, что более важно, институциональной независимостью. Это состояние «символизма без сущности» превращает AICHR скорее в декларативный институт, нежели в эффективный инструмент защиты прав человека. Аналогичным образом, отсутствие в АСЕАН полноценного Суда по правам человека для толкования и обеспечения соблюдения Декларации прав человека АСЕАН является ещё одним показателем глубокого разрыва между декларативными обязательствами и практическими действиями.

Так называемый «подход АСЕАН» — с его акцентом на абсолютном консенсусе и невмешательстве — всё чаще описывается в академических кругах как устаревшая модель, особенно в контексте гуманитарных кризисов и внутренних конфликтов, приобретающих транснациональный характер. Вместо того чтобы быть инструментом защиты прав человека, принцип невмешательства был искажён и превратился в «институциональный щит» против тех самых ценностей, которые АСЕАН публично декларирует: верховенство права, права человека и ориентированное на человека сообщество. Это уже не просто вопрос политического выбора, а структурный дефект дизайна: данный институт отдаёт приоритет выживанию режима, а не выживанию людей [\[24, с. 161\]](#).

Углубляющийся раскол между членами АСЕАН показывает, что принцип невмешательства, некогда сплочающий фактор, теперь становится источником глубоких внутренних разногласий. Некоторые страны, такие как Малайзия, призывают к более решительным действиям, в то время как Вьетнам, Камбоджа и Лаос твёрдо его защищают. Неспособность достичь консенсуса по урегулированию кризиса рохинджа не только обнажает политический паралич, но и наносит серьёзный ущерб легитимности АСЕАН как региональной структуры [\[25, с. 52\]](#); [\[24, с. 162\]](#).

Последствия выходят за рамки исключительно гуманитарных вопросов. Когда региональная организация затрудняется с принятием эффективных мер в ответ на

широкомасштабный кризис, это может поставить под вопрос её функциональную состоятельность и восприниматься как недостаточная вовлечённость [16, с. 628]. Какую роль в региональном порядке может играть организация, созданная для поддержания стабильности, но неспособная справиться с нестабильностью, вызванной действиями одного из её членов?

Эта ситуация подрывает моральный авторитет АСЕАН и приводит к кризису легитимности. Если АСЕАН продолжит руководствоваться концепцией абсолютного суверенитета в мире, который всё большее значение придаёт безопасности человека и «Обязанности защищать», то не только рохинджа, но и любое другое сообщество в регионе может стать следующей жертвой институционального молчания.

Заключение

Рассматривая реакцию АСЕАН на кризис рохинджа, данное исследование демонстрирует, что принцип невмешательства продолжает ограничивать способность организации выступать в качестве эффективного институционального актора в регионе. Несмотря на растущие ожидания со стороны международного сообщества и внутренних акторов относительно активизации АСЕАН в вопросах прав человека, реакция организации на события в Мьянме осталась преимущественно декларативной и символической. Создание таких органов, как Межправительственная комиссия по правам человека, оказалось символическим жестом, лишенным реальных правоприменительных полномочий, что превратило их в «декларативные институты».

Проведённый анализ показал, что институциональные ограничения АСЕАН носят как структурный, так и политико-нормативный характер: консенсусная модель принятия решений, отсутствие санкционных механизмов и приоритет суверенитета государств-членов препятствуют формированию коллективного ответа на гуманитарные кризисы. Кризис рохинджа стал лакмусовой бумажкой, выявившей пределы действующего институционального устройства организации. Попытки АСЕАН ограничиться «мягкими» подходами, такими как предоставление гуманитарной помощи, систематически подрываются самим режимом-нарушителем, который использует помощь в качестве оружия. Это, в свою очередь, спровоцировало глубокий внутренний раскол, превратив принцип невмешательства из сплочающего фактора в эпицентр разногласий.

Данное исследование подчёркивает необходимость переосмысления роли АСЕАН в условиях изменяющейся региональной среды. Без модернизации нормативных основ и механизмов взаимодействия АСЕАН рискует остаться структурой, неспособной отвечать на вызовы, выходящие за рамки традиционной безопасности. Это ставит под вопрос её долгосрочную легитимность как центрального элемента региональной архитектуры.

Несмотря на ограничивающее воздействие принципа невмешательства на институциональную эффективность АСЕАН, организация располагает потенциалом для разработки механизмов, способных преодолеть данную парадоксальную ситуацию:

- во-первых, создание постоянного «круглого стола» с участием ООН и ведущих неправительственных организаций обеспечит регулярный мониторинг кризиса рохинджа и повысит прозрачность принятия решений;
- во-вторых, введение санкционного «аварийного пакета» — с возможностью приостановки привилегий членства для государства-нарушителя — придаст декларациям большую нормативную значимость и будет служить действенным сдерживающим фактором;

– в третьих, формирование совместного аналитического центра АСЕАН–ООН по сбору и верификации информации о гуманитарных рисках позволит выстроить систему раннего реагирования и перейти от реактивной к проактивной модели действий.

Работа вносит вклад в развитие научного дискурса о роли АСЕАН в управлении региональными кризисами, прежде всего в контексте институциональной реакции на гуманитарные катастрофы. Впервые предпринята попытка системного сопоставления декларативной приверженности принципу невмешательства с де-факто ограничениями институциональной дееспособности организации. Показано, что даже символические действия, предпринимаемые АСЕАН в условиях отсутствия санкционных механизмов, оказывают существенное влияние на восприятие её легитимности как регионального субъекта.

Библиография

1. Борунов П. А. Ситуация с беженцами рохинджа, как фактор дестабилизации региона Юго-Восточной Азии // Казанский вестник молодых учёных. 2020. Т. 4, № 1. С. 40-49. EDN XDZHMХ.
2. Дикарев А. Д. Мьянма: проблема мусульман-рохинджей и ее трактовки // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 2, № 3(44). С. 145-159. EDN УТМУКУ.
3. Ефремова К. А. Кризис вокруг рохинджа: национальные, региональные и глобальные аспекты // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1, № 1(38). С. 144-160. EDN XVVJJZ.
4. Свечников Д. Д., Короткова Л. Г., Хлусевич Е. О. АСЕАН в урегулировании политического кризиса в Мьянме // Оригинальные исследования. 2023. Т. 13, № 3. С. 101-106. EDN WGTFBИ.
5. Симония А. А. Кризис в Мьянме как момент истины для АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 3, № 3(52). С. 128-147. DOI 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-128-147. EDN CCDKTM.
6. Симония А. А. К пятой годовщине массового исхода рохинджей из Мьянмы // Россия и мусульманский мир. 2022. № 4(326). С. 91-101. DOI 10.31249/rimm/2022.04.08. EDN FGPGAL.
7. Симония А. А. Саммит АСЕАН: кризис в Мьянме стал главной темой встречи на индонезийском острове Флорес // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 2, № 2(59). С. 138-149. DOI 10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-138-149. EDN НАРЖМК.
8. Сорокина А. А. Геноцид рохинджа в Мьянме и перспективы его преодоления // Science Time. 2020. № 5(77). С. 43-49. EDN OSPSTW.
9. Achmad Y., Prasetyoningsih N., Al Fathh M.R. ASEAN Non-Intervention Principles: An Alternative Settlement towards Human Rights Violation in Rohingya // Jurnal Media Hukum. 2021. Vol. 28, No. 1. P. 118-135.
10. ASEAN Political-Security Community Blueprint. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/20131230235433.pdf> (дата обращения: 08.06.2025).
11. Chairman's Statement on the Five-Point Consensus, 24 April 2021. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/Chairmans-Statement-on-ALM-Five-Point-Consensus-24-April-2021-FINAL-a-1.pdf> (дата обращения: 08.06.2025).
12. Chairman's Statement on the Rakhine State. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2017/09/1.ASEAN-Chairmans-Statement-on-the-Rakhine.pdf> (дата обращения: 08.06.2025).
13. The ASEAN Charter. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2007/12/ASEAN-Charter.pdf>

content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf (дата обращения: 08.06.2025).

14. Barber R., Teitt S. The Rohingya Crisis: Can ASEAN Salvage Its Credibility? // Survival. 2020. Vol. 62, No. 5. P. 41-54. DOI: 10.1080/00396338.2020.1819642. EDN YHKYXL.

15. Davies M. ASEAN's Treaty of Amity and Cooperation // East Asia Forum. 28.11.2024. URL: <https://eastasiaforum.org/2024/11/28/aseans-treaty-of-amity-and-cooperation/> (дата обращения: 08.06.2025).

16. Doctors Without Borders. Timeline: Rohingya Crisis. URL: <https://www.doctorswithoutborders.org/latest/timeline-rohingya-crisis> (дата обращения: 08.06.2025).

17. Human Rights Watch. Future Bleak for Rohingya in Bangladesh, Myanmar. URL: <https://www.hrw.org/news/2023/08/20/future-bleak-rohingya-bangladesh-myanmar> (дата обращения: 08.06.2025).

18. International Organization for Migration. UN and Partners Seek USD 943.5M for Rohingya Refugees. URL: <https://www.iom.int/news/un-and-partners-seek-usd-9345m-life-saving-aid-15-million-rohingya-refugees-and-their-hosts-bangladesh> (дата обращения: 08.06.2025).

19. Kurlantzick J. Escaping ASEAN Paralysis on Myanmar // The Interpreter. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/escaping-asean-paralysis-myanmar> (дата обращения: 08.06.2025).

20. Nguyen T.-A. Norm or Necessity? The Non-Interference Principle in ASEAN // Cornell International Affairs Review. 2016. Vol. 9, No. 1. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/a?id=1318> (дата обращения: 08.06.2025).

21. Oktavian A., Jamaludin M., Hossain M.B. Non-Interference Principle of ASEAN in the Rohingya Crisis: International Human Rights Law as Alternative Foothold // Intermestic: Journal of International Studies. 2023. Vol. 7, No. 2. P. 618-636. DOI: 10.24198/intermestic.v7n2.11. EDN BPREJU.

22. Shukri S. The Rohingya refugee crisis in Southeast Asia: ASEAN's role and way forward // Journal of International Studies. 2021. Vol. 17. P. 239-263. DOI: <https://doi.org/10.32890/jis2021.17.10>. EDN SKZVSJ.

23. Shivakoti R. The stateless Rohingya and the search for solutions // Forced Migration Review. URL: <https://www.fmreview.org/latinamerica-caribbean/shivakoti/> (дата обращения: 08.06.2025).

24. Tobing D.H. The Limits and Possibilities of the ASEAN Way: The Case of Rohingya as Humanitarian Issue in Southeast Asia // The 1st International Conference on South East Asia Studies, 2016. KnE Social Sciences. 2018. P. 148-174. DOI: 10.18502/kss.v3i5.2331.

25. Yuan C., Lee B. T. F. ASEAN in the Conflict Management of the Rohingya Crisis // Journal of Autonomy and Security Studies. 2023. Vol. 7, No. 1. P. 39-60.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая рукопись посвящена исследованию роли АСЕАН в условиях «кризиса Рохинджа» в Мьянме. Автор стремится продемонстрировать, что основополагающие принципы Ассоциации (невмешательство во внутренние дела стран-членов и принятие решений абсолютным консенсусом) провоцируют ее институциональный кризис и снижают эффективность перед лицом внутренних вызовов. С учетом того, что АСЕАН в последние годы приобретает возрастающее значение в контексте региональной политики, оказываясь в поле зрения таких великих держав как США и Китай,

актуальность данной темы представляется несомненной. В то же время, научная ценность статьи представляется спорной в силу ряда причин. Во-первых, автор не столько исследует проблему институционального кризиса АСЕАН, сколько выдвигает тезис о, очевидной неспособности Ассоциации содействовать разрешению кризиса в Мьянме и приводит аргументы в поддержку этого утверждения. То есть, автор лишь констатирует свершившийся факт, не предпринимая попыток обозначить исследовательскую проблему и решить ее тем или иным способом. Так, поскольку в статье отсутствует формулировка цели, остается неясным – к каким знаниям о предмете исследования стремится прийти автор? Как следствие, автор не предлагает никакой методологии, с помощью которой цель могла быть достигнута. В тексте также отсутствует обоснование научной новизны исследования – то есть, в чем заключается вклад автора в существующие знания о современном состоянии АСЕАН и ее региональной роли? Стиль и содержание статьи не вызывают серьезных нареканий, хотя иногда встречаются случаи неудачного перевода с английского на русский (например, «пятиточечное согласие (5 PC)» лучше перевести как «согласие на основе пяти тезисов») и излишне эмоциональные выражения (вроде "злодеяния режима в Мьянме"). Библиографический список выглядит достаточно объемным, но можно рекомендовать дополнить его рядом свежих публикаций – Свечников Д., Короткова Л., Хлусевич Е. АСЕАН в урегулировании политического кризиса в Мьянме // Оригинальные исследования. 2023. № 3; Симония А. Кризис в Мьянме как момент истины для АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. № 3; Симония А. Саммит АСЕАН: кризис в Мьянме стал главной темой встречи на индонезийском острове Флорес // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. № 2. В заключении автор вновь констатирует неспособность АСЕАН содействовать разрешению кризиса в Мьянме, обусловленную системными дефектами в институциональной структуре Ассоциации. Ничего принципиально нового о «последствиях для институциональной роли организации в регионе» (см. название статьи) в выводах нет. С учетом сказанного выше, можно предложить следующие рекомендации по доработке статьи – 1) обозначить исследовательскую проблему и цель. Например – «выявить последствия кризиса Рохинджа для роли АСЕАН в Юго-Восточной Азии»; 2) сформулировать подход к решению исследовательской проблемы; 3) обосновать вклад автора в существующие знания о современной роли АСЕАН в регионе; 4) добавить ссылки на свежие публикации на русском языке (приведены выше); 5) усилить акцент на новизне полученных автором результатов исследования в заключительной части рукописи. В случае проведения соответствующей доработки статья может представлять интерес для аудитории журнала.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает зависимость между соблюдением принципа невмешательства АСЕАН и ограниченной эффективностью её институтов при реагировании на гуманитарные катастрофы. Актуальность данной работы обусловлена тем, что она вносит критически важный вклад в понимание институциональных ограничений региональных организаций при реагировании на гуманитарные кризисы, предлагая конкретные механизмы модернизации нормативных основ АСЕАН, что имеет также прямое практическое значение для повышения эффективности региональной архитектуры безопасности в условиях продолжающегося кризиса рохинджа и предотвращения аналогичных катастроф в будущем. К сожалению, сам автор не уделил

достаточно внимания теоретико-методологической рефлексии, переложив этот труд на читателя. Однако на основе структуры и содержания статьи можно определить, что в процессе работы использовались качественные методы исследования, включая анализ документов (официальных заявлений и соглашений АСЕАН), метод case study (детальное изучение кризиса рохинджа как эмпирического кейса), хронологический анализ развития событий, а также сравнительный институциональный анализ для оценки эффективности механизмов АСЕАН. В качестве эмпирической базы выступили вторичные источники, включая работы российских и зарубежных авторов, что позволило сформировать комплексное понимание проблемы в рамках теории международных отношений и институционализма. Вполне корректное применение описанных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, в процессе исследования было установлено, что принцип невмешательства АСЕАН трансформировался из механизма региональной стабильности в инструмент защиты авторитарных режимов-нарушителей, создавая структурный дефект организации, при котором приоритет отдаётся выживанию режима, а не защите людей. Кроме того, выявлено, что символические институты по правам человека без санкционных полномочий не только неэффективны, но и активно подрывают институциональную легитимность АСЕАН, превращая её декларативные обязательства в источник кризиса доверия. Доказано также, что гуманитарная помощь в условиях отсутствия политических механизмов подотчётности систематически используется авторитарными режимами в качестве оружия, что делает даже «мягкие» подходы АСЕАН неэффективными и скомпрометированными. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление. В тексте выделены следующие разделы:

- «Введение», где обосновывается актуальность проблемы, формулируется исследовательский вопрос и задачи, а также представляется основной тезис о негативном влиянии принципа невмешательства на эффективность АСЕАН;
- «Принцип невмешательства АСЕАН: основы и практика», где анализируется историческое формирование и нормативное закрепление принципа невмешательства, а также выявляется специфика его трансформации в инструмент защиты авторитарных режимов;
- «Кризис рохинджа: хронология и влияние на регион», где представлена детальная хронология конфликта и его региональных последствий, включая массовые нарушения прав человека и гуманитарную катастрофу;
- «Реакция АСЕАН на кризис рохинджа», где исследуются конкретные действия организации и демонстрируется ограниченность её подходов в условиях строгого следования принципу невмешательства;
- «Последствия для институциональной роли АСЕАН», где анализируется влияние кризиса на легитимность и эффективность организации, а также выявляются структурные дефекты её архитектуры;
- «Заключение», где обобщаются результаты исследования и предлагаются конкретные механизмы модернизации нормативных основ АСЕАН.

Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, плеоназмы, один из которых обнаруживается уже в названии статьи: «...последствия для институциональной роли организации в регионе» [подобная формулировка – «институциональная роль организации» не только избыточна, но и двусмысленна, поскольку теряется связь со словом «АСЕАН», которое и подразумевается автором под словом «организация»]; или нагромождения родительных падежей, также порождающих двусмысленности тяжеловесного стиля, например: «...Руководствуясь потребностью расширить ресурсы и рынки в условиях бурно развивающейся в метрополии индустриализации»; встречаются и другие стилистические погрешности, например, эмоциональные формулировки («порочная структура протекционизма», «пагубный опыт» и др.), разговорные выражения («зачистки» и др.), неточные метафоры («лакмусовая бумажка» и др.); и т. д.) и грамматических (например,

несогласованные предложения «В то же время зарубежные исследователи... акцентировАТЬ внимание на...», «Цель данного исследования — поиск ответ на следующий исследовательский вопрос...», «...В 2012, 2015 и 2017 гг. бирманская армия проводила зачистки после атак боевиков Армия спасения рохинджа Аракана (АРСА)», «Возникает прямАЯ причинно-следственнУЮ связь между...»; или опечатки, как в предложении «В данных условиях «по[д?]ход АСЕАН» непреднамеренно стал инструментом...»; и др.) ошибок, но в целом он написан более или менее грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным (за некоторым исключением) использованием научной терминологии. В числе упомянутых исключений – некоторые из терминов институциональной теории, которые автор употребляет либо не совсем корректно (что приводит к двусмысленностям), как упомянутое выше стилистическая погрешность в заголовке статьи, либо вообще формулирует их так странно, что авторская мысль становится недоступной пониманию, как в предложении: «Это подорвало институциональную репутацию организации...». Что означает термин «институциональная репутация»? Это репутация организации у других институтов? – видимо, нет, поскольку институты – «существа» неодушевлённые, и они, конечно, согласно метафоре одного антрополога, могут «мыслить», но эта формулировка не очень распространена в современной институциональной теории. Или же речь идёт о репутации института? Судя по контексту, именно так. Тогда зачем повторять слово «организация»? И почему бы прямо не написать о репутации института в такой-то и такой-то среде? Получается, что выражение «институциональная репутация организации» либо избыточно и лишь искажает суть термина, либо просто неверно передаёт мысль автора. Однако перечисленные примеры являются исключениями из правила и не снижают достаточно высокого научного уровня рецензируемой статьи. Библиография насчитывает 25 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу отсутствия теоретико-методологической рефлексии. И на будущее автору следует учесть этот момент. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести достаточно интересную и актуальную тему, выбранную для исследования, а также значительный объём эмпирического материала, привлечённый для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, конфликтологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.